

УДК 323.22
DOI

ТОТАЛИТАРИЗМ И РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

TOTALITARISM AND RUSSIAN REVOLUTION

С.П. Щавелев
S.P. Schavelev

Курский государственный медицинский университет,
Россия, 305010, г. Курск, ул. К. Маркса, 4.

Kursk State Medical University,
4 K. Marx St., Kursk, 305010, Russia

E-mail: sergei-shhavelev@yandex.ru

Аннотация

Предпринимается попытка дополнить те оценки отечественной истории XX века, которые содержатся в статье Р.Г. Аббасова, О.С. Борисовой, В.П. Римского «Великая русская революция...» Эта последняя рассматривается автором как матрица всех последующих тоталитарных режимов. Согласно приводимым в статье архивным данным, действия революционеров уничтожили без суда и вины заметную часть населения страны, а для большинства выживших заметно понизили уровень повседневного существования по сравнению с императорской Россией.

Abstract

The paper is an attempt to supplement those estimates of the Russian history of the 20th century which are contained in the article by R.G. Abbasova, O.S. Borisova, V.P. Rimskiy "Great Russian Revolution ...". The revolution of 1917 is considered as the matrix of all later totalitarian regimes. According to the archival data cited in the article the actions of the revolutionaries destroyed an appreciable part of the country's population without trial and being guilty and significantly decreased the level of welfare for most of the survivors comparing to the imperial Russia.

Ключевые слова: идеология, марксизм, тоталитаризм, политические репрессии, советская повседневность в городе и в деревне.

Keywords: ideology, Marxism, totalitarianism, political repression, the Soviet daily life in the city and in the countryside.

Ну, что ты смотришь взглядом хмурым –
Мы друг для друга не опасны.
Ты вырос белым среди бурых,
Я вырос белым среди красных.
Л.И. Бородин.

Встреча с медведем-альбиносом в сибирской тайге.

На одном из ученых заседаний я услышал из уст Виктора Павловича Римского термин «идеологема» с его истолкованием. На примере выражения «Москва – третий Рим» он тогда показал, что оно существовало исключительно в умах некоторых писателей да политиков, а к самому ходу исторических событий отношения не имело. Идея революции, наверное, как-то повлияла на умы многих её участников, но довольно скоро после её совершения у нас в России превратилась в такую же идеологему, поскольку реальность чем дальше, тем больше расходилась с постулатами марксизма-ленинизма. Эта самая историческая реальность теперь неплохо

изучена историками и другими учеными [Миронов, 2012], но вот философы продолжают трактовать революцию на уровне своих абстракций вроде модерна да тоталитаризма. Поскольку в программной статье В.П. Римского с соавторами, на которую я откликаюсь, понятие тоталитаризма вывернуто наизнанку («капиталистический тоталитаризм», на мой взгляд, всё равно что «сухая вода»), я попробую вернуть его к авторскому, правильному значению и подкрепить теми самыми фактами истории, которых наши философы знать не желают.

Понятие тоталитаризма было введено в научный и публицистический оборот, как известно, Ханной Арендт (1906–1975), любимой ученицей Эдмунда Гуссерля и Мартина Хайдеггера [Арендт, 1996]. Тот факт, что этот последний, едва ли не самый крупный мыслитель XX века, побывал активным членом нацистской партии, занимал при Гитлере руководящие посты в германской высшей школе, придает концепции тоталитаризма яркий идейный колорит. Российские политологи в своих учебных пособиях подробно излагали содержание тоталитаризма, перечисляли его отличительные черты в государстве и обществе. Сначала, в 1990-е годы, это делалось в порыве критики и разрушения советского строя, перехода нашей страны и ее народа к рыночному хозяйству, политической демократии. Затем, в 2000-е и особенно активно в 2010-е годы, большинство наших политиков и их политических консультантов стали отказываться от идеи тоталитаризма, с помощью которой, как они утверждали, происходило неправомерное в их глазах смешение фашизма и коммунизма. Автор этих строк проявил тогда инициативу и соединил под одной обложкой нескольких представителей указанных точек зрения на тоталитаризм и связанные с ним моменты мировой истории. Первое, курское издание нашей книжки [Марков, Шавелев, 2011] не прошло незамеченным – столичное издательство «Наука» в лице одной из своих коммерческих «дочек» – издательства «Флинта» – разметило следующие два стереотипных издания этой работы в своей общедоступной интернет-библиотеке, а затем предприняло и следующее – печатное издание, четвертое по общему счету [Критика..., 2017]. К этим изданиям, вполне теперь доступным в электронном и печатном видах, я и отсылаю заинтересованных в том или ином понимании тоталитаризма читателей. А в этом кратком тексте попробую тезисно ещё раз защитить свою принципиальную позицию, которая состоит в том, что именно Россия стала родиной тоталитаризма, а затем его рассадником по всему миру. Наша страна воплотила этот самый бесчеловечный в истории человечества режим власти и жизни впервые в истории и с наибольшей полнотой. У нас он продержался дольше всего – почти полвека (инициированная Н.С. Хрущёвым десталинизация, пусть и непоследовательная, означала переход к авторитаризму). Ликвидация тоталитаризма оказалась тут рекордно затянутой и половинчатой по сравнению с аналогичными реформами в других очагах тоталитаризма (денацификацией Германии, демократизаций Испании и Португалии, реформ маоистского Китая Ден Сяопином и пиночетовского Чили христианскими демократами П. Эйльвина, Камбоджи после «красных кхмеров» при других коммунистах Пен Савана, всеми другими обновившимися после кровавых испытаний странами).

Я не берусь решать, почему именно в России впервые практически воплотился людоедский проект Маркса о «диктатуре пролетариата». Вероятно, произошло редкостное совпадение объективной обстановки острого кризиса власти (но не экономики!) и субъективного фактора (присутствия в бурлящей столице сразу нескольких выдающихся экстремистов, начиная с Ленина и Троцкого). Именно Маркс впервые в истории мысли предложил убрать физически одну часть общества, чтобы дать свободу и счастье остальным его частям. По ходу социалистической революции «экспроприаторов экспроприируют», завещал он, то есть не только лишают собственности и заслуженных условий жизни, но и самой этой жизни, то есть убивают. «В самом деле, Гитлер проводил политику геноцида против "низших", неизлечимых или реакционных племен (неточность перевода, лучше сказать — общностей — С.Щ.), которую Маркс и Энгельс отстаивали в 1849 году и которую Ленин начал практиковать в 1918. Возможно, Гитлер поднабрался идей евгеники не у Дарвина и Спенсера, а у Маркса, которого внимательно читал в Мюнхене» [Ридли, 2016. С. 369].

Ведущей чертой тоталитаризма как политического режима я считаю именно систематическое уничтожения физически какой-то части населения. Не разовые «чистки» вроде опричнины Ивана Грозного или «Варфоломеевской ночи», а ежегодное лишение свободы и жизни нескольких процентов населения страны, как в СССР 1920-х – начала 1950-х годов. Да, белые офицеры тоже казнили направо и налево своих противников, но их командующие не издавали декретов о «подозрительных» гражданах, как Робеспьер с Маратом, а потом большевики с их практикой заложничества первых попавшихся представителей «бывших классов». Сошлюсь на одну из многочисленных публикаций документального характера о Большом терроре. Профессор М.А. Фельдман опубликовал в историческом журнале два письма из рассекреченных недавно архивов ФСБ и КПСС Свердловской области. «Первое письмо обращено к редакции газеты "Уральский рабочий" и написано, судя по тексту, в конце 1937 г. Имя автора неизвестно. Письмо характеризует самого автора и время, в которое он живет: отмечается "хорошее, светлое, радостное в нашей молодой стране социализма". Вместе с тем события 1937 г. квалифицируются как "небывалая в истории человечества расправа с мирным населением". Согласно сведениям автора, в Свердловске в январе – октябре 1937 г. в тюрьмах оказалось 26 тыс. человек, около 5 % населения города; 90 % из них прошли по 58-й статье как "враги народа". В СССР, по оценке автора, число арестованных приблизилось к 1,5 млн человек. Методы деятельности НКВД находятся, по словам автора, за пределами закона, морали, нравственности, неся смерть и разрушение психики советским людям. Страдают не только расхитители, убийцы, жулики, сколько жертвы вымышленных доносов — мирные, трудолюбивые, скромные советские люди. Задаваясь вопросом, кто составляет массовую опору НКВД, автор указывает на людей, чья нравственность, честь, стойкость убеждений за годы последних двух десятилетий упали до крайних пределов. Создателями многочисленных вымышленных доносов являются раздраженные квартиранты, обиженные на работе, поссорившиеся друзья-собутыльники. Столь значимым фактором стал, по мысли автора, дух стяжательства, поразивший как правящую советскую элиту, так и души и помыслы широких масс, уставших от перманентной бедности или полбедности советских времен. Автор пишет о систематическом материальном поощрении доносительства. Его простейшей формой являлось "привлечение за пять рублей женщин, готовых простаивать в бесчисленных очередях и заводить разговоры о нехватке товаров и продовольствия"» [Фельдман, 2008. С. 126–127].

Второе письмо из 1937 года отправлено уже не анонимом, а вторым секретарем Свердловского обкома ВКП(б) И.М. Медведевым в ЦК КПСС Сталину и в СНК Молотову в декабре 1938 года. Ответственный партработник (в прошлом кадровый рабочий-металлист, ветеран Мировой и Гражданской войн) оперирует данными официальной статистики за 1936 – начало 1938 года. За это время снабжение Свердловской области уменьшилось как по промышленным товарам (на 10 %), так и по продовольствию (на 20–30 %). В результате население промышленных центров области испытывает большие трудности. В столовых постоянно не хватает мяса и жиров; бесконечными стали очереди в магазины.

Стоит отметить, что два предшественника автора этого письма на должности второго секретаря обкома покончили с собой – соответственно в марте и в мае 1937 года. А Медведева в ответ на его разоблачительное письмо всего лишь понизили в должности, отправив работать директором Московского мехового института. Сказалось, видимо, явное приближение большой войны (после мюнхенского сговора в октябре 1938). Руководство КПСС, оказывается, тоже зависело от объективных обстоятельств. Вывод публикатора документов: «Перед нами не только материалы 70-летней давности. Это ещё и предупреждение об опасности реабилитации сталинизма и восхваления Сталина в любой форме; о последствиях достижения любых, самых благородных целей, за счет страданий народа» [Фельдман, 2008, 128].

Мне самому довелось полностью издать один из томов следственного «Дела краеов ЦЧО» НКВД за 1930 год. По этому продолжению более известного Академического

дела было арестовано 92 человека, занимавшихся историей и природой своего Центрально-Черноземного края. Их обвинили в антисоветском заговоре и подготовке интервенции в СССР. Несколько расстреляли тут же, остальных приговорили к высылке в Северный край или заключению в концлагерь от нескольких до многих лет [Щавелев, 2007].

Еще один (из огромного множества) пример. На 1937 год Курскому областному управлению НКВД из наркомата внутренних дел был спущен план на ускоренную репрессию «враждебных элементов» – 4 000 человек. Из них к первой категории – «наиболее враждебных элементов», подлежащих после ареста и рассмотрения на так называемой «тройке» расстрелу – относилась 1 000, а ко второй категории – лишению свободы от 8 до 10 лет – 3 000. Выполняя эту директиву, курские чекисты, как тогда водилось, перевыполнили план – арестовали 8 354 человека. Из них тогда же, немедленно после решения «тройки» было расстреляно 2 886 человек (34,5%), а 5 468 (45,5 %) приговорено к тюремному и лагерному заключению, в том числе 4 862 человека к 10 годам лагерей.

Впервые опубликовавшие эти данные историки разнесли их по категориям осужденных: «бывшие кулаки» – 4 607 (55 %), из них 1319 к высшей мере наказания, расстрелу; «уголовники» – 1474 (16,8 %), к расстрелу 510; «эсеры» – 358 (4,4 %), к расстрелу 131; «троцкисты» – 91 (1,2 %), к расстрелу 50; «шпионы и диверсанты» – 37 (0,5 %), к расстрелу 25; «духовенство и монашеские элементы» – 245 (3 %), к расстрелу 146; «сектантский и церковный актив» – 576 (7 %), к расстрелу 213; «участники контрреволюционных образований в прошлом» – 6 (0,1 %), к расстрелу 5; «украинская националистическая контрреволюция» – 21 (0,4), к расстрелу 9; «активный контрреволюционный элемент в прошлом» (белогвардейцы, бывшие каратели, служащие полиции, жандармы) – 733 (8,9 %), к расстрелу 413; «прочие» – 206 (2,6 %), к расстрелу 65 [Раков, Карнаевич, 1998].

Причём наш советский вариант тоталитаризма оказался самым жестоким к своим подданным – их репрессировали не по отдельным общественным секторам, как итальянские фашисты и германские нацисты (евреев, лидеров рабочего движения, часть священнослужителей, затем «неарийских» военнопленных), а именно тотально – по всем социальным группам («бывших» собственников и представителей имперского государства; крестьян-«кулаков»; «вредителей» инженеров, учёных, представителей прочих групп интеллигенции; военнотружущих, партийных работников; церковников и «сектантов»; почти всех вернувшихся из эмиграции, многих других).

Вот ещё один, наудачу взятый пример. Профессор Венского университета Б. Мак Клуглин взялся проследить судьбы своих соотечественников ирландцев, которые в 1920-е годы примкнули к коммунистическому движению у себя на родине, а затем в силу тех или иных жизненных обстоятельств пытались найти убежище в СССР. В монографии проанализированы личные и следственные дела этих людей, воспоминания их родных и близких; другие материалы об идейных эмигрантах с Зелёного острова в нашу страну после революции. Эти люди всей душой разделяли представление, что советская страна прокладывает путь к коммунизму. Они искренне стремились помочь Стране Советов. Все они разочаровались относительно своих иллюзий о советской системе. Монография правильно называется «Брошенные волкам. Ирландские жертвы сталинистского террора» [McLoughlin, 2007]. Двое из них попытались вырваться обратно на родину, им это не удалось; их и всех остальных нескольких ирландских эмигрантов в СССР ждали аресты, расстрел или гибель в Гулаге. Надо ли пояснять, что точно такой же оказалась судьба представителей остальных этнических диаспор в центре мирового Интернационала? Та же самая участь – гибель в застенках Гулага ожидала представителей всех остальных этнических землячеств Коминтерна в России; значительную часть «национальных меньшинств» СССР вообще [Джуха, 2010]. Какой же прок в «культурных завоеваниях Октября с помощью русского языка», о коих пишут авторы вышеупомянутой статьи, если заметную часть твоего этноса убили в мирное время ни за что?

Понятно всем нам со времен советского марксизма, что сумма примеров никого не убедит и ничего не докажет. Но приведем еще два свидетельства – о городском и о сельском мирах той самой послереволюционной эпохи, когда «завоевания несомненно были», согласно мнению авторов комментируемой статьи.

Город (в моем примере) – Пермь, то есть тогда Молотов. После войны там действовало 832 промышленных предприятия. Слесарь на них получал 1500 руб. в месяц, инструктор обкома ВКП (б) 1150, рабочий низкой квалификации – 300-500 и ниже. Хлеб в магазине стоил 9 руб. 40 коп. за кг, на коммерческом рынке – 8 руб. В снабжении всеми продуктами питания то и дело возникали перебои. Их потребление (кроме картофеля) не дотягивало до физиологических норм, причем заметно (рыбы на 13 %, мяса на 44 %, овощей на 64 %, молока на 53 % и т.д., даже хлеба – на 5 %). «Многие промышленные рабочие недоедали и потому очень болезненно реагировали на недостаток в начальственных семьях. Тем более что для начальства многие дефицитные продукты, например мука и крупы, доставлялись по домам, оставлялись в магазинах либо распределялись по спискам в столовых. Руководители предприятий пользовались казенным транспортом... располагали благоустроенными квартирами. <...> "Достал", а не "купил" всю советскую эпоху было термином, который лучше отражал реальный процесс получения дефицита. <...> Не только общежития и бараки были переполнены. Коллективное проживание в одной квартире большого количества людей, ожидающих улучшения жилищных условий, тоже было явлением повсеместным... Семейная жизнь выносилась на всеобщее обсуждение. Коррупция была в советском обществе явлением обычным, можно сказать повседневным» [Киммерлинг, 2017. С. 62–68]. Советская историография много в чем упрекала царскую Россию, и в ней действительно хватало проблем, но чтобы губернатору муку да картошку откладывали отдельно от бедняков? Чтобы любые слои населения, те же рабочие или крестьяне хронически недоедали? Чтобы в лавках не хватало снеди? Одна, две вспышки голода тогда в ряде губерний не шли в сравнение с «голодомором» в результате большевистской коллективизации.

Среди множества документальных свидетельств о советской деревне процитирую то, что волею случая оказалось в моем распоряжении (автор – историк, ветеран Государственного архива Курской области Анатолий Николаевич Бочаров на пенсии записал воспоминания и копию передал мне, своему ученику на истфаке). Осенью 1956 года он после окончания этого факультета по распределению приехал по грунтовке в село Косторово Рыльского района Курской области работать учителем. Школа «размещалась в двух зданиях: первое – одноэтажное, деревянное, на кирпичном фундаменте, построенное ещё до Великой Отечественной войны; второе – одноэтажный деревянный дом (бывший помещичий) настолько ветхий, что казалось, вот-вот развалится, все стены были на подпорках. Зимой дети в классах всегда были в верхней одежде: холод проникал в многочисленные щели. У въезда в село стоял каменный скелет – плод атеистического действия большевиков – полуразрушенная церковь, внутри которой размещались колхозный склад и ремонтная мастерская. За церковью располагалось деревянное здание в форме прямоугольника – колхозный клуб. Внешний облик села, похожего на дряхлого, неухоженного старика, произвел на меня удручающее впечатление. Местный колхоз имени Кирова был отстающий в Рыльском районе. В нем процветало пьянство, воровство, страсть к обогащению управленческой колхозной верхушки и как результат – хозяйство дышало на ладан. <...> И это был не единственный случай в Рыльском районе, типичная картина наблюдалась во всем Черноземье. <...> Быт колхозников был не устроен. В селе отсутствовало электричество и радио, бани не было. В избах зимой крестьяне держали под печкой маленьких поросят, около печки – телят, чтобы не замерзли. Размалывать зерно колхозники ездили в Рыльск, где находилась мельница с механическим двигателем. Ветряные и водяные мельницы были разрушены во время коллективизации и раскулачивания. <...> Однажды я видел, как хозяйка дома, где я стоял на квартире, обрушивала просо в ступе. Я спросил у нее: "А что, крупорушки нет?" Она ответила: "Теперь нет. Имелась, правда, давно, до коллективизации. Во время раскулачивания ее отобрали в колхоз. Она там проработала дня два и сломалась. Ее выкинули на

свалку. Без хозяина не прожила". Колхозный клуб редко открывал свои двери. Единственным очагом культуры была школа. <...> В небе летали самолеты, спутники, в городе – цивилизация, а в деревне средневековые пережитки. <...> Какие противоречия! <...>

Особенно я переживал, читая документы о том, как в период голода 1933–1934 гг., когда люди опухали и умирали в мучениях от недоедания (питались летом почти одной травой, употребляя в пищу коренья лопухов, одуванчиков, конский щавель), советское правительство продавало курскую рожь, пшеницу, сахар на мировом рынке по демпинговым ценам (ниже мировых). <...> Без волнения нельзя было просматривать списки жителей деревень, сел, хуторов, лишенных избирательных прав. Таких людей большевики окрестили "лишенцами". Попав в эти списки, человек был обречен на жизненные муки. Вина их заключалась в том, что имели, например, две лошади или две коровы; или занимались торговлей, продавая на рынке лыковые лапти, семечки подсолнуха» [Бочаров, 2004].

Порции фактографии, приводимые мной, не должны никого убедить, а – напомнить нынешним философам революции, к чему она привела на самом деле. Большевики, как некогда французские якобинцы, казнили не только и не столько своих прямых политических противников вроде белогвардейцев, но и массу самых разных «врагов народа». Им была впервые в мировой истории с древнего Рима предъявлена «презумпция виновности»; от фальсифицированных судебных процессов коммунисты очень скоро перешли к бессудным казням по решениям так называемых «троек». В связи со 100-летним юбилеем русской революции, наконец, обнародованы не половинчатые лукавые ее оценки – «с одной стороны, с другой стороны», а отвечающий фактам и здравому смыслу вердикт. Так, спикер Госдумы Вячеслав Володин, выступая на Всемирном русском национальном соборе в Храме Христа Спасителя 1 ноября 2017 года заявил: «Недопустимо романтизировать революции и героизировать людей, свергающих законные правительства, обрекающих свои народы на бессмысленные страдания» [Яковлева, 2017 а. С. 2]. Гражданскому чиновнику высокого ранга вторит церковный иерей – накануне очередного Архиерейского собора Русской православной церкви митрополит Волоколамский Илларион напомнил, что в 2000 году РПЦ канонизировала новомучеников и исповедников Церкви Русской. «Тогда было ясно сказано, кто были жертвами, а кто палачами» [Яковлева, 2017 б. С. 10].

Так что называя революцию «великой», ее нынешние идеологи должны выбирать: или признаться в незнании фактов об уничтожении революционерами заметной части собственного народа, об искусственном замедлении ими темпов экономического и культурного развития страны, о возврате своих поданных в средневековье, или признать понесенные жертвы оправданными ввиду высоких идеалов Ленина и Сталина с их приспешниками. Ну, или конфликтами какого-то там модерна с какими-то традициями отечественной цивилизации. Факты массовых репрессий и катастрофического падения уровня жизни массы населения (одно предполагало другое) говорят только о конфликте медленного, но устойчивого движения к демократии, рынку и просвещению, которое осуществляла императорская Россия, с абсурдными попытками отменить рыночное хозяйство, всякую свободу и самостоятельность людей, которые предпринимали революционеры, доктринеры и прагматики.

Список литературы References

1. Арндт Х. 1996. Истоки тоталитаризма. Пер. с англ. М., ЦентрКом: 672 с.
Arendt H. 1996. Istoki totalitarizma [The origins of totalitarianism]. Per. s angl. M., CentrKom: 672 p. (in Russian).
2. Бочаров А.Н. Откровения историка-архивиста. Рукопись. 2004. Архив автора. (Неопубликовано).
Bocharov A.N. The revelations of the historian-archivist. Manuscript. 2004. The author's archive. (Unpublished).
3. Джуха И. 2010. Стоял позади Парфенон, лежал впереди Магадан: история репрессий против греков в СССР: греки на Колыме. СПб., Алетейя: 263 с.

Dzhuha I. 2010. Stoyal pozadi Parfenon, lezhal vperedi Magadan: istoriya repressij protiv grekov v SSSR: greki na Kolyme [Stood behind the Parthenon, lay ahead of Magadan: the history of repression against the Greeks in the USSR: the Greeks on the Kolyma]. SPb., Aletejya: 263 p. (in Russian).

4. Кимерлинг А.С. 2017. Выполнять и лукавить: политические кампании поздней сталинской эпохи. М., Издательский дом Высшей школы экономики: 211 с.

Kimerling A.S. 2017. Vypolnyat' i lukavit': politicheskie kampanii pozdnej stalinskoj ehpoхи [Carry out and dissemble: political campaigns of the late Stalin era]. M., Izdatel'skij dom Vysšej shkoly ehkonomiki: 211 p. (in Russian).

5. Марков Б.В., Щавелёв С.П., Кузнецов Д.П., Бубнов А.Ю., Щавелев А.С. 2017. Критика тоталитарного опыта. 4-е изд. М., ФЛИНТА, Наука: 216 с.

Markov B.V., SHCHavelev S.P., Kuznecov D.P., Bubnov A.YU., SHCHavelev A.S. 2017. Kritika tota-litarnogo opyta [Criticism of totalitarian experience]. 4-e izd. M., FLINTA, Nauka: 216 p. (in Russian).

6. Марков Б.В., Щавелев С.П. 2011. Критика тоталитарного опыта. Курск, изд-во Курского мед. ун-та: 80 с.

Markov B.V., SHCHavelev S.P. 2011. Kritika totalitarnogo opyta [Criticism of totalitarian experience]. Kursk, izd-vo Kurskogo med. un-ta: 80 p. (in Russian).

7. Миронов Б.Н. 2012. Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. Изд. 2-е. М., Весь мир: 844 с.

Mironov B.N. 2012. Blagosostoyanie naseleniya i revolyucii v imperskoj Rossii: XVIII – nachalo XX veka [The welfare of the population and the revolution in imperial Russia: the eighteenth and early twentieth centuries]. Izd. 2-e. M., Ves' mir: 844 p. (in Russian).

8. Раков В.В., Карнаевич В.Г. 1998. О репрессиях 1937 года (по материалам Курской области). В кн.: Материалы международной научно-практической конференции «Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура». Белгород, БелГУ: 91–95.

Rakov V.V., Karnasevich V.G. 1998. O repressiyah 1937 goda (po materialam Kurskoj oblasti) [On the repression of 1937 (based on the materials of the Kursk region)]. V kn.: Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «YUg Rossii v proshlom i nastoyashchem: istoriya, ehkonomika, kul'tura» [The works of the international scientific and practical conference "The South of Russia in the past and the present: history, economy, culture."]. Belgorod, BelGU: 91–95. (in Russian).

9. Ридли М. 2016. Происхождение альтруизма и добродетели. От борьбы за выживание к сотрудничеству. М., Эксмо: 416 с.

Ridli M. 2016. Proiskhozhdenie al'truizma i dobrodeteli. Ot bor'by za vyzhi-vanie k sotrudnich-estvu [The origin of altruism and virtue. From struggle for survival to cooperation]. M., EHksmo: 416 p. (in Russian).

10. Фельдман М.А. 2008. Два письма из уральских архивов. Отечественная история, 2: 125–128.

Fel'dman M.A. 2008. Dva pis'ma iz ural'skih arhivov [Two letters from the Ural archives]. Otechestvennaya istoriya, 2: 125–128 (in Russian).

11. Щавелев С.П. 2007. «Дело краеведов ЦЧО» 1930–1931 годов. (Курский «филиал»). Курск, Изд-во КГМУ: 271 с.

SHCHavelev S.P. 2007. «Delo kraevedov SCHO» 1930–1931 godov. (Kurskij «filial») [The Case of the Local History Society of the Central Chernozem Region" 1930-1931. (Kursk "branch")].– Kursk, Izd-vo KGMU: 271 p. (in Russian).

12. Яковлева Е. 2017. Не надо романтизировать революцию. Российская газета. 2 ноября, 248 (7414): с. 2.

Yakovleva E. 2017. Ne nado romantizirovat' revolyuciyu [It is not necessary to romanticize the revolution]. Rossijskaya gazeta. 2 November, 248 (7414): p. 2 (in Russian).

13. Яковлева Е. 2017. Истина минус компромисс. Российская газета. 27 ноября, 2468 (7434): с. 10.

Yakovleva E. 2017. Istina minus kompromiss [Truth minus the compromise]. Rossijskaya gazeta. 27 November, 2468 (7434): p. 10. (in Russian).

14. McLoughlin B. Left to the Wolves. Irish Victims of Stalinist Terror. Dublin, Portland, 2007.